

Title	Речи АНДРЕЯ ТУРГЕНЕВА
Author(s)	Ямада, Публикация Китидзиро
Citation	Acta Slavica Iaponica, 10, 167-181
Issue Date	1992
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/8047
Type	departmental bulletin paper
File Information	KJ00000034000.pdf

Речи АНДРЕЯ ТУРГЕНЕВА

Публикация Китидзиро Ямада

Речи, прочитанные в «Дружеском литературном обществе», хранятся в виде рукописного сборника в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ф. 309, № 618). Рукописи были написаны четким почерком, и при чтении их никаких трудностей не было. Из этого рукописного сборника здесь публикуется три речи Андрея Тургенева (1781-1803).

Первая речь была процитирована В. М. Истриным в неполном виде («Журнал Мин. Нар. Прос.», 1910, отд. II, стр. 288-289). В настоящей публикации восстановлены пропущенные места.

Вторая, самая знаменитая речь «О русской литературе» была издана А. Фоминим еще в 1912 г. («Русский библиофил», № 1, стр. 26-30) и перепечатана лишь недавно («Литературная критика 1800-1820 годов», М., 1980, стр. 44-47). Но во фоминском тексте имеется около десяти немаловажных ошибок, которые не были исправлены в новом издании, поэтому бесполезно было бы здесь поместить подлинный текст речи.

Третья речь «О поэзии и о злоупотреблении оной» была полностью напечатана В. Н. Резановым в книге «Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского» (Пг., т. II, 1916, стр. 138-144). В редакции Резанова, однако, было несколько ошибок, и я позволил себе исправить их.

В «Дружеском литературном обществе» Ан. Тургенев произнес еще одну речь о любви к отечеству, которая не вошла в этот рукописный сборник. Эту речь опубликовал проф. Ю. М. Лотман («Литературное наследство», т. 60, к. I, 1956, стр. 334-336). Им же были изданы стихотворения Ан. Тургенева («Поэты 1790-1800-х годов», Библиотека поэта, 1971, стр. 231-246), следовательно, возможно было бы сказать, что с настоящей публикацией вышли в свет все «сочинения» Ан. Тургенева.

Несмотря на количественную бедность сочинений, Ан. Тургенев интересует нас своим острым критическим чутьем, проникающим во все его строки, и отчетливым самосознанием, от которого происходит вся его литературная деятельность. Всем известно, что он критиковал Карамзина, но при этом надо помнить, что кроме Карамзина он не считал достойным критики никого другого. Ан. Тургенев желал, чтобы литература была выражением сознания и чувства русского человека начала XIX века, но такой литературы в России еще не существовало.

Его мнения о том, чем должна быть русская литература, что такое назначение поэта и т. д., заслуживают внимания и соблазняют меня восстановить из небольшого количества сочинений то, к чему стремилась его мысль. Готовясь к этому, я снабдил тексты речей подробными примечаниями, которые, надеюсь, могут показать нам, как употребляли современные ему люди слова, обороты и понятия, которые встречаются у Ан. Тургенева. Я надеюсь, что оценка его мысли в контексте того времени поможет отличить его «индивидуальность», хотя, вероятно, с другой стороны, в результате, пострадает «оригинальность» этого таланта.

Мои примечания еще далеки от совершенства, но это, пожалуй, бесконечная работа; я должен был где-то приостановиться.

I

Речь члена Тургенева 1-го
(16 февраля 1801)

(Ф309, № 618, лл. 39об.-43об.)

Друзья мои! Я избрал предметом речи моей то, что всего более должно занимать нас в нашем собрании, самое наше собрание.¹ Не ожидайте от меня тех цветов красноречия, которыми украсили предмет сей некоторые из моих сочленов.² Я намерен в возможной простоте говорить с вами о некоторых предметах, до него относящихся. Новый сочлен,³ которого все мы с сердечным удовольствием здесь видим, познакомится чрез то с нашими Законами; и, может быть, не бесполезно будет, если я снова оживлю их и в вашей памяти.

Цель наша – образование себя в литературе, особливо в русской, образование нравственного нашего характера.⁴ Чем иным можем мы достигнуть ее, как не дружественными, откровенными советами, неограниченною, но кроткою искренностью, которая должна быть одним из главных наших Законов? Мы взаимно подкрепляем друг друга. Нас здесь восемь, и всякой из нас в восемь раз сильнее здесь, нежели бы был он один, без чистосердечных друзей, которые исполнены к нему любви, которые радуются его успехам во всем, которые и от его обхождения ожидают себе главной пользы.

Да будет же, любезные друзья! искренность первым законом нашего собрания. Советы, похвалы и самую критику, можем мы найти в свете, искренность существует только здесь. Но мы очень обманемся, очень удалимся от нашей цели, если смешаем ее хотя без намерения, с колкостью и грубостью. Нет! везде должна сопровождать ее кротость! Может ли ктонибудь из нас огорчиться дружескою критикою?⁵ Он узнает, что написал дурные стихи, но вместе увидит и почувствует, что имеет истинных и чистосердечных друзей и может быть от них же самих получит беспристрастное уверение, что может сделать лучше... Но зато как же неоцененна будет для него похвала их, в которой не будет уже он подозревать никакой скрытности, никакого пристрастия! Он свободно предастся тогда своей радости, ибо для каждого из нас – признаемся в этом, друзья мои! – для каждого из нас не может быть ничего приятнее такого приговора.....

Будучи принуждены посвящать так мало времени любезнейшему нашему предмету, мы должны стараться удалить от себя все то, что не ведет нас к нашей цели. – Неужели не можем мы и два часа заняться чемнибудь важным? Отчего говорим мы так часто о вольности, о рабстве, как будто бы собрались здесь для того, чтобы разбирать права человека?⁶ Какую пользу можем получить мы, касаясь иногда в спорах наших до самой религии, о которой здесь, по моему мнению, никогда бы упоминать не должно? Все сие, как мы видели уже из опытов, бывает токмо

источником неудовольствий, которые, хотя и не могут долго продолжаться, но всегда, по крайней мере, на несколько минут без всякой нужды нарушают согласие нашего собрания, затмевают в нас светлый луч единодушия и радости и со всем тем не приносят ни малейшей пользы. Тогда когда мы вступим на сцену мира, когда отечество наше, когда страждущая притесненная бедность будет требовать нашей помощи,⁷ тогда будет время показать нам, что мы верные сыны Его. Теперь поклянемся только с простым, но сильным красноречием сердца, во всех исполнениях жизни, во всех случаях, когда мы хотя бы малую подлость могли снискать величайшая выгоды – всегда оживляться духом нашего собрания и предпочитать всем честь и душевное благородство, для сего то взаимного поощрения себя ко всему возвышенному и благородному установили мы ежемесячные праздники, в которые согласились в свободной радости и братском союзе приносить жертву отечеству, возжигать сердца наши священным патриотизмом, выпламнять друг друга ко всем добродетелям в течении нашей жизни – в сии священные минуты каждая мысль, каждое биение сердца в нас да будет посвящено отечеству и святым добродетелям дочерям Патриотизма!⁸ Тут будем мы возвышаться превыше всех бедствий, тут решимся жертвовать ему всем, тут забудем все кроме его. Ах! может быть – с восторгом произношу слова сии – может быть возсияет тут в сердцах наших луч того небесного огня, который согревал сердца Леонидовы, Кодровы, Брутовы и Аристидовы. Какое Блаженство! друзья мои! оживлять в груди своей, в нашем тесном кругу тень оных великих времен прошедших, когда всякой человек был ревностным гражданином, сыном отечества, которое с любовью прижимало его к своему сердцу, которому с любовью приносил он в жертву жизнь и все блаженство жизни своей.... Проснитесь, дышите в нас величие, бессмертные мужи! Веселитесь тем, что через целые тысячи лет пример ваш служит светильником на пути нашей жизни! Принимайте жертвы сердец наших, пылающих вашим пламенем! Носитесь духом своим над нами!

Друзья! благословим этот священный Энтузиазм,⁹ который нас согревает; предадимся ему; пусть радость будет для нас матерью всех добродетелей. Пусть благородной, святой энтузиазм юности будет их душою, их пищею. Ни кто еще не помогал несчастному по определению одного холодного разсудка, сердцу должно иногда заглушить голос его, чтобы быть тем нежнее, тем сострадательнее, тем деятельнее в оказании помощи. Есть великия, священные добродетели, которые без энтузиазма существовать не могут, которые кажутся мечтою для жалкого и равнодушного философа, судящего об них с одним своим разумом. Еще опытность не научила нас делать мудрых и тонких соображений, чтобы располагать нашими поступками, но тем сильнее можем мы чувствовать. Последуем же гласу нашего сердца, направим стремление его во благое и мы будем деятельны, будем веселы, будем благополучны!

Но только тогда достигнем мы нашей цели, когда живо почувствуем все что может произвести в нас единодушие и нехладеющее усердие, когда еще теснее соединимся узами дружбы... Теперь, с сердечным сожалением вижу я, что мы разделены, так сказать, на две части, и та и другая порознь – в короткой связи между собою, между тем как некоторые из нас недовольно еще между собою сближены. Будем стараться, сколько возможно, истребить это неравенство, приведем, ежели смею сказать, к равновесию нашу взаимную дружбу, будем равно искренны, будем усердны, будем великодушны! И тогда то всякое наше упражнение будет приносить нам сугубую пользу, будет иметь свою цену; тогда то собрание наше утвердится на основании непоколебимом; тогда то всякий из нас будет искать в нем и найдет отдохновение в самых трудах, радость <и> отраду в неприятностях жизни, тогда то будет запечатлено печатью братство и мы ощутим спасительныя действия нашего союза, ощутим – и сердечным благословением освятим Законы его на веки!

II

Речь члена Андрея Тургенева.

О русской литературе.

(ф309, № 618, лл. 78-82об.)

О русской литературе! можем ли мы еще употреблять это слово?¹ Не одно ли это пустое название, тогда когда вещи в самом деле не существуют. Есть литература Французская, Немецкая, Англинская, но есть ли русская? Читай Англинских поэтов ты увидишь дух Англичан; то же и с Французскими и немецкими, по произведениям их можно судить о характере их наций, но что можешь ты узнать о русском народе: читая Ломоносова, Сумарокова, Державина, Хераскова, Карамзина, в одном только Державине найдешь очень малые оттенки русского, в прекрасной Повести Карамзина Илья Муромец также увидишь русское название, русския стопы и больше ничего. Театральные наши писатели² вместо того чтобы вникать в характер Российского народа,³ в дух российской древности и потом в частные характеры наших древних Героев, вместо того чтобы показывать нам по крайней мере на театре чтонибудь великое, важное и притом истинно русское, нашли, что гораздо легче, изобразив на декорациях вид Москвы и Кремля, заставить действовать каких то нежных красноречивых Французов, назвав их Синавами, Труворами и даже Миниными и Пожарскими⁴ и пр. Если бы во время представления Димитрия Самозванца⁵ восстал из гроба сам Димитрий, думаю, он долго бы забавлялся сим зрелищем, не отгадывая, что оно значит, если бы не услышал наконец своего имени и набатного колокола. Вам самим отдаю на суд, любезные друзья! Что бы могло быть у нас, если бы мы воспользовались во всем пространстве нашею древностию, древними характерами российских Князей, нашими древними происшествиями?

Мы подражаем Французским;⁶ но Французы так оригинальны в своих трагедиях, что и самых Греков и Римлян превратили во французов, а мы напротив совершенно утратили всю оригинальность,⁷ всю силу (*en nergie*)⁸ русского духа. При сем случае осмелюсь сделать одно замечание; Если уж непременно должно было нам подражать, то кажется гораздо сроднее бы с духом нашего народа подражать в театре Аглинском, а не французском.

Теперь только в одних сказках и песнях находим мы остатки русской литературы, в сих то драгоценных остатках, а особливо в песнях находим мы и чувствуем еще характер нашего народа.⁹ Они так сильны, так выразительны в веселом ли то или в печальном роде, что над всяким непременно должны произвести свое действие. В большей части из них, особливо в печальных, встречается такая пленяющая унылость, такая красоты чувства, которых тщетно стали бы искать мы в новейших подражательных произведениях нашей литературы.¹⁰ Но трудно уже переменить то, чего, кажется, никто и не подозревает. По крайней мере теперь нет никакой надежды, чтобы когда нибудь процвела у нас истинно русская литература. Для сего нужно, чтобы мы и в обычаях и в образе жизни и в характере обратились к русской оригинальности, от которой мы удаляемся ежедневно. Посмотрим теперь на состояние нашей литературы. Какова она есть, позвольте мне, любезные друзья, сообщить вам о сем некоторыя мысли. Может быть, вы их найдете странными, но я полагаюсь на ваше дружеское снисхождение и требую искренних ваших советов и наставлений. Последняя половина протекшего столетия была для нас то же, что для Французов век Лудвика XIV. У нас явились свои Расины,¹¹ свои Волтеры¹² и Малербы,¹³ имена всех славнейших в России поэтов будут сиять в летописях Екатерины Великой. Ободренные свободою мыслей и книгопечатания,¹⁴ ободренные Монаршею волею, стремившейся разливать в пространной Империи своей свет наук и просвещения, потекли они в путь свой, открытый для них прежде бессмертным Ломоносовым, очистили, привели в некоторое совершенство язык свой, прославили мудрую Монархиню и себя вместе с нею. Теперь наступает новое столетие, обильнее ли оно будет писателями, нежели прошедшее?¹⁵ Может быть, но судя по ходу нашей литературы нельзя ли подумать, что у нас будет больше превосходных писателей в мелочах и что виноват в этом Карамзин. Позвольте напомнить вам, любезные друзья, что я предлагаю здесь о <д> ни сомнения и догадки, предлагаю для того, чтобы узнать ваше мнение. Карамзин сделал эпоху в нашей Литтературе¹⁶ и вопреки русскому характеру и климату¹⁷ и пр. – Он слишком склонил нас к мягкости и разнеженности.¹⁸ Ему бы надлежало явиться веком позже, тогда, когда бы мы имели уже более сочинений в важнейших¹⁹ родах; тогда пусть бы он в отечественные дубы и лавры вплетал цветы свои. Скажу откровенно: он более вреден, нежели полезен нашей Литтературе, и с тою же откровенностию признаюсь, что и сам я, и может быть не я один лучше желал написать то, что он, нежели все

эпические наши поэты. Он вреден потому еще более, что пишет в своем роде прекрасно; пусть бы русские продолжали писать хуже и не так интересно, только бы занимались они важнейшими предметами, писали бы оригинальнее, важнее, не столько применялись к мелочным родам, пусть бы мешали они с великим уродливое, Гигантское, чрезвычайное;²⁰ можно подумать, что это очистилось бы мало по малу.²¹ Смотри на общий ход просвещения и особенно литературы в целом, надобно признаться, что Херасков²² больше для нас сделать, нежели Карамзин.

Должно однакож сказать и что и сей последний, вместо вреда (который в прочем существует, может быть, только в моем воображении) принес бы величайшую пользу, если бы в ту самую минуту, как он явился на сцену, не устремилась за ним толпа безразсудных подражателей. Молодой писатель, видя такой отличный успех (и в прочем заслуженной, но только не в свое время) в мелком, всегда скорее склонится на эту сторону, нежели к чему нибудь важному, великому. Обольщенный минутным одобрением, он истощит жар души своей в безделках²³ вместо того чтобы по долговременном размышлении устремить оный на что нибудь достойное пережить его и возвесить о нем в потомстве. Она захочет лучше пользоваться настоящим днем, нежели будущим веком. Немногие решатся в жизни отбросить прелестный цветок, что бы по смерти получить Лавр. Конечно, это и не во власти всякого. С другой стороны, правда и то, что если родится человек с великим духом, с *genie*,²⁴ то отрасль к мелкому на него не подействует. Но человек, чувствующий в себе некоторый Талант, будет искать успеху в модной сентиментальности и если он имеет какия нибудь дарования от природы, то будет уже действовать на большее число!

Но найдется ли хоть один, кто бы отказался от того и от другого, кто бы, не будучи отлично замечен, хотел содействовать благу и успеху всего отечественного. Те, которые и сделали сие, конечно, сего не ожидали, они стремились к одной славе; но не достигнув до сей цели, только что против воли споспешествовали прямому ходу просвещения в целом. Таков напр. Херасков, который, не заслуживая в прочем отличного уважения и славы, содействовал в хорошую сторону успеху нашей Литтературы, открыв дорогу.

Но я не хочу винить Карамзина, всякий бы сделал на его месте тоже. Виноват, если смею сказать, один случай, который произвел его слишком рано. Чем медленнее ход успехов, тем он вернее. Правда и то, что иногда один человек явится и так сказать увлечет за собою своих современников. Мы это знаем; мы сами имели Петра Великого,²⁵ но такой человек для русской Литтературы должен быть теперь второй Ломоносов,²⁶ а не Карамзин. Напитанный русскою оригинальностью, одаренный творческим даром,²⁷ должен он дать другой оборот нашей Литтературе;²⁸ иначе дерево увянет, покрывшись приятными цветами, но не показав ни широких листьев, ни сочных питательных плодов.

III

Речь члена Андрея Тургенева
о поэзии и о злоупотреблении оной
(7 апреля 1801)

(ФЗ09, № 618, лл. 71-74об.)

Поэты, говорит Шафтсбери, в древние времена почитаемы были истинными мудрецами, люди почерпали в творениях их правила для жизни и уроки благоразумия и мудрости; не знаю, отчего лишились они сего почтенного права.¹

И в самом деле, любезные друзья! Проходя в мыслях все роды изящных искусств и наук,² рассматривая их действия и влияния на людей, мы не найдем ничего важнее, ничего священнее поэзии.³ Ее божественная печать сияет на всем, что принадлежит к пространной области изящного. Человек, вышедший из рук Творца свободным, невинным и счастливым, с сердцем, бьющимся от радости, обозрел вокруг себя оную природу и едва только душа его несколько успокоилась, едва некое безмолвное восхищение могло найти слова, первое слово его, первый звук, им произнесенный, первый знак радостного изумления, пламенной благодарности, был уже поэзия, дар блаженной твари создателю и отцу вселенной. Блеск алой зари, блистание лучезарного солнца, величественная картина утреннего пробуждения природы, тихое безмолвие ночи, безчисленные светила, разсыпавшаяся по неизмеримости небес, благоговейное молчание природы, как будто бы ощущающей близкое присутствие Творца, наконец ревущий голос грома и звучистая молнии – все сие возносило душу его и было для него источником важных, благоговейных гимнов. Человек блаженствовал в недрах природы, все было источником веселия для его невинного сердца, и поэзия была отзывом радостных чувствований восторга и умиления.

Он пал. Радость, вечная сопутница только невинного сердца, от него отлетела. Природа представилась взору его пустою и печальною. Ему казалось, что все творение хочет от него уклониться, он видел везде разстройство и несогласие, по тому что небесный мир оставил душу его. Покинутый всем, в чем же нашел он убежище, отраду, услаждение? Не в тебе ли, кроткая поэзия? Подруга горестного – не ты ли помогала ему сносить тягостное бремя жизни? Не ты ли вливала бальзам в радостного сердца?⁴ Воспевая тихия, печальныя песни, воспоминал он о временах претекшего блаженства, снова находил их в своем воображении, и, проливая слезы, чувствовал облегчение. Не обретая счастья на самом деле, он находил его в мечтах и надеждах, кротких подругах твоих. Ты сделалась еще ближе к сердцу его, ибо ты одна все для него заменяла....

Последуя течению времени, везде вижу поэзию еще достойную своего имени, везде нахожу в поэтах наставников смертных, законодателей

общества.⁵ История, философия, самая религия украшаются цветами поэзии, и чтобы тем удобнее найти доступ к человеческому сердцу. В одном из первых поэтов вижу одного из первых законодателей. Звуки лиры Орфеевой смягчают грубые нравы народов, пробуждают в сердцах кротчайшие чувства благоговения к богам, любви к человекам. Гомер, величайший из песнопевцев, украшает ею историю богов древности, прославляет героев, научает смертных. В Спарте лира песнопевца вливает в целыя тысячи воинов дух неустрашимости, презрение смерти, неукротимое стремление победить или умереть за отечество – везде вижу бессмертное происхождение поэзии, везде ощущаю в песнях поэта вдохновение небес.

Когда же исчезла слава твоя, посланница богов? Кто сорвал с тебя божественную печать твою? От чего поэты, законодатели смертных, изъяснители таинств божества, теперь ничто иное, как подлые льстецы пышности, рабы суетности и тщеславия? Ах! видно таков жребий людей! Самое священное, сделавшись для них обыкновенным, сперва теряет цену свою, а потом становится орудием гнуснейших злоупотреблений. Высочайшие добродетели бывали часто предметом посмеяний и орудием самых ужаснейших злодейств! Перестанем дивиться судьбе поэзии и вздохнем только о несчастном жребии людей. – –

Пройдя всех поэтов, древних и новых, которые не чувствовали цены своих дарований, остановимся только на том, что для нас всего ближе, на поэтах нашего отечества. Смею сказать, что великий Ломоносов, творец российской поэзии,⁶ истощая все свои дарования на похвалы Монархам,⁷ много потерял для славы своей. Бессмертная муза его должна бы избирать и предметы, столь же бессмертные, как она сама; в глазах беспристрастного потомства, со дня на день менее принимающего участия в героях его, должны наконец и самые песни его потерять цены своей. Прославляй великия дела Петра, прославляй дела Елисаветы, Анны, Екатерины, но не возобновляй ежегодно торжественных песней на день их рождения, тезоименитства, вступления на престол и проч. Бог, природа, добродетели, пороки, одним словом моральная натура человека,⁸ со всеми бесконечными ее оттенками: вот предметы достойные истинного поэта!

Чье сердце может удержаться от живейшего восхищения, от радостных слез, видя Государя, во цвете лет совершенно преданного отеческим трудам и попечениям для блага подданных! – Государя, который не только перед глазами света, но и в собственном сердце своем поставил для себя долгом не разделять выгод своих от пользы народной, все доброе, все великое, относить к источнику всякого добра и почитать себя первым только подданным отечества?...⁹ Херасковы! Державины! вы хотите прославлять его, вы говорите в слабых стихах то, что давно миллионы сердец красноречивее вас выразили немym восхищением – но вы то же говорите о тиранах, вы показывали те же восторги! Мы вам не верим! Молчите и не посрамляйте себя своими похвалами. Нет! Его достоин прославлять только тот, кому добродетель священна и в венце и в рубище,

кто приносит жертву свою не венценосцу в порфире, мощному обладателю миллионов, владыке полсвета, в чьих руках наказания и награды, – но человеку, получившему от небес святое право благотворить миллионам, человеку, который в этом одном видит различие между им и его собратиями. С преданностью признательного народа, с повествованием истории, соединим глас восхищенного песнопевца: он передаст векам и потомству имя богоподобного, и слава Его, слиясь с славою героя, новым блеском озарит священную память их.

Комментарии

I

- 1 Т. е. Дружеское литературное общество (1801).
- 2 Первые члены общества: Ан. Тургенев, А. Мерзляков, В. Жуковский, Ал. Тургенев, Петр, Михаил и Андрей Кайсаровы, А. Воейков.
- 3 В рукописи к словам «Новый сочлен» поставлено примечание: «К сожалению он не остался в нашем собрании – В через несколько времени он опять вступил в него». Здесь имеется в виду С. Родзянка. См.: В. М. Истрин, «Друж. лит. об. 1801 г.», ЖМНП, 1910, отд. II, стр. 288.
- 4 О «цели» Общества Мерзляков говорит в своей первой речи: «Мы все так высоко ценим лестный Талант трогать и убеждать других словесностию; мы все удивляемся тем великим умам, которые в бессмертных своих сочинениях заронили какую-то божественную искру, могущую возжечь в сердцах позднейшего потомства любовь к Добродетели и истинне, которым служить есть единственная и главнейшая наша должность; мы все льстимся найти и образовать в себе этот бесценной талант. – Да будет же сие образование в честь и славу Добродетели и Истинны, – целью всех наших упражнений» («О главных Законах Общества», Ф. 309, № 618, л. 4).
- 5 Об отношении критики к «огорчению» Новиков говорит: «Не желание охуждать деяния других нас к сему <критическому рассмотрению издаваемых книг> побуждает, но польза общественная; почему и не уповаем мы сею поступкою нашею огорчить благоразумных писателей, издателей и переводчиков; тем паче, что во критике нашей будет наблюдаема крайняя умеренность и что она с великою строгостью будет хранима во пределах благопристойности и благонравия» (Н. И. Новиков, Избранные сочинения, М.-Л., 1951, стр. 275).
- 6 Ошибочно думать, исходя из этого, что у Ан. Тургенева не было никаких политических интересов. См. статью Ю. Лотмана (Лит. насл., т. 60).
- 7 См. запись в дневнике Ан. Тургенева от 6 января 1800 г.: «Шил (лер) для меня хорош; я буду им наслаждаться внутри себя и для себя, а это гораздо лучше: на что спорить? – Там только, где страдает и теснится невинность, там буду я говорить всегда громко; в таком случае девиз мой: Ни перед кем, ни для чего! Wahrheit gegen Freund und Feind, и проч.» (Ф. 309, № 271, л. 36).
- 8 См. речь о любви к отечеству: «Нужно ли спрашивать: добродетель ли любовь к отечеству? Посмотрите на ее действия! Если добродетель состоит в великих пожертвованиях, если главное свойство ее есть забвение, пренебрежение самой себя для счастья братьев своих, то что же больше патриотизма имеет право на сие титуло?» (Лит. насл., стр. 334).

- 9 «Священный Энтузиазм» был одним из атрибутов «гения». Гельвеций пишет («Об уме», 1758): “Beaucoup d’Auteurs ont écrit sur le génie: la plupart l’ont considéré comme un feu, une inspiration, *un enthousiasme divin*” (Discours IV, chap. 1).

II

- 1 Выражение «русская литература» употребляет, например, Карамзин. См. его “Lettre au Spectateur sur la littérature russe” (1797). Можно считать эту речь Ан. Тургенева возражением на это письмо.
- 2 См. “Lettre” Карамзина: «...мы имеем трагедии, вызывающие слезы, и комедии, заставляющие смеяться» (перевод Ю. Лотмана в книге: Н. М. Карамзин, «Письма русского путешественника», Лит. памят., Л., 1984, стр. 450).
- 3 В журналах того времени часто обсуждали вопрос о том, что такое характер русского народа. См., например, статью «Мнение о характере русских» («Корифей», 1802, кн. 1, стр. 159-186): «Несмотря однако на все перевороты времени и правления, на всю отдаленность от первобытного состояния своего, народ Русской удержал оттенок своего характера... На нем напечатлены еще первоначальные доблести сего народа, которых ни какая сила стихий, ни какая давность времени не изгладит из скрижалей истории. Какие доблести сии, вопросят у нас завидующие недоброхоты, Нелюбы наши? ответвую: гостеприимство, сие вечное соучастие ближних, сия прославленная добродетель древностию – и наше нынешнее хлебосольство; твердость (стоицизм), мужество народа и неотъемлемая черта Русского, важность, простота в общежитии. (стр. 161-162)... его <русского народа> постоянство, твердость, стоической дух превознесется выше жестоких добродетелей Спартанцов: его важность носящая отпечаток характера мужественного, не уступит важности древних Греков; его простота в общежитии, уподобится простоте Римлян... (стр. 185-186)» (курсив автора)
- 4 Имеются в виду «Синав и Трувор» Сумарокова и «Освобожденная Москва» Хераскова.
- 5 Трагедия Сумарокова.
- 6 См. “Lettre” Карамзина: «Когда Перт Великий разорвал занавес, скрывавший от наших глаз цивилизованные нации Европы и их успехи в искусствах, русский, униженный чувством своего несовершенства, но чувствовавший себя способным к просвещению, захотел подражать иностранцам во всем: как в образе жизни, так и в одежде, как в нравах, так и в искусствах. Он принялся перестраивать свой язык по образцам языка немцев и французов, и наша поэзия, наша литература сделалась отголоском и копией их поэзии и их литературы» (Лит. памят., стр. 450).
- Во «Мнении о характере русских» говорится: «Многие осуждают в наших, так называемых благородных, неумеренное подражание, охладевающую любовь к отечеству, неограниченное предпочтение всего иноземного своему, бесхарактерность, несходство самих себя с собою:... прежде всего надобно было сделать Русских Русскими; а не Немцами, ни Французами, ни Англичанами» («Корифей», 1802, кн. 1, стр. 176, курсив автора).
- В своем «Рассуждении о старом и новом слоге» (1803) А. Шишков резко критикует «рабственное подражание наше Французам» (Соб. соч. и пер., ч. II, 1824, стр. 13).
- 7 В эстетике XVIII в. «оригинальность» была одной из самых основных черт «гения». См.: Кант, «Критика способности суждения» (1790): “Man sieht hieraus, daß Originalität seine <des Genies> erste Eigenschaft sein müsse” (§46); Ф. Бутевек,

- «Эстетика» (1806): “Artistische Vollkommenheit schließt Neuheit, und auf ihrer höchsten Stufe die ursprüngliche Neuheit oder Originalität in sich, durch die das wahre Genie seine schöpferische Kraft unverkennbar darthut” (Georg Olms Verlag, 1976, p. 220).
- 8 Шишков подчеркивает «силу» русского языка и сопоставляет ее с «приятностью» Карамзинского стиля: «Славенский язык есть корень и основание Российского языка; он сообщает ему богатство, разум, силу, красоту. И так в нем упражняться, и из него почерпать должно искусство красноречия, а не из Боннетов, Вольтеров,.. о которых писатели наши на каждой странице твердят, и участь у них Русскому на бред похожему языку, с гордостью утверждают, что ныне образуется токмо приятность нашего слога» (Соб. и соч. и пер., ч. II, стр. 81).
- 9 См. “Lettre” Карамзина: «У нас есть песни и романсы, сочиненные вот уже два или три века,.. Во всех этих песнях мера стиха весьма правильна и разнообразна, во всех царствует меланхолия и нежная склонность к печали, составляющая характер нашего народа» (Лит. памят., стр. 449-450).
- 10 Имеются в виду произведения так называемых карамзинистов. См.: А. Шишков: «<У чужестранных писателей> многие нынешние писатели наши, по незнанию собственного языка своего, заимствуют чуждые нам обороты речей» (Соб. соч. и пер., ч. II, стр. 360).
- 11 Русским Расином называли Сумарокова. См.: Н. Новиков, «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772): «И хотя первый он <Сумароков> из Россиян начал писать трагедии по всем правилам театрального искусства; но столько успел во оных, что заслужил название северного Расина» (стр. 207).
- 12 Кто был назван «русским Вольтером», мне неизвестно. Возможно, здесь имеется в виду опять Сумароков? См.: Карамзин, «Пантеон российских авторов» (1802): «Сумароков еще сильнее Ломоносова действовал на публику, избрав для себя сферу обширнейшую. Подобно Вольтеру, он хотел блистать во многих родах – и современники называли его нашим Расином, Мольером, Лафонтеном, Буало. Потомство не так думает» (Соч. в двух томах, т. II, 1984, стр. 111).
- 13 См.: Сумароков, «Эпистола II» (1747):
 Иль с Ломоносовым глас громкий вознеси:
 Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен.
 (Б-ка поэта, 1957, стр. 125)
- 14 Имеется в виду указ «о вольных типографиях» (1783, ПСЗ, т. XXI, № 15634).
- 15 О малочисленности русских писателей часто говорит Карамзин. См. письмо к Лафатеру от 20 апреля 1787 г.: «Я лишен удовольствия много читать на своем родном языке. Мы еще бедны писателями» (Лит. памят., стр. 469); «У нас, конечно, менее аворских талантов, нежели у других европейских народов» («Отчего в России мало авторских талантов?», 1802). набросок части речи ниже этой фразы находится в дневнике А. Тургенева (20 дек. 1800 г., Ф. 309, № 271, лл. 76об-77об.).
- 16 То же говорит П. Макаров: «Г. Карамзин сделал эпоху в Истории Русского языка. Так мы думаем и, сколько нам известно, так думает Публика» («Критика на книгу, под названием: Рассужд. о старом и новом слоге Рос. языка», Соч. и пер., 1817, т. I, ч. 2, стр. 48).
- 17 См. “Lettre” Карамзина: «Да, сударь, гений живет во всех климатах, и в России также есть люди с дарованием» (Лит. памят., стр. 449).
- 18 Об этой стороне карамзинской литературы П. Макаров был севсем иного менения: «Во Франции Женщины упражнялись в Литературе, и все первокласные Ученые

стекались к ним со всех сторон; дома их были лучшими школами вкуса и просвещения;.. – От того цвет Литературы сделался во Франции столь общим;.. от того разговор их славился тою пленительною приятностью, которая нравилась всем другим нациям, и которую все другие нации тщетно старались перенять; от того такое множество Авторов,.. Ежели бы наши Дамы вздумали подражать сему примеру, то нет сомнения, что они заставили бы всякого учиться» («Некоторые мысли», Соч. и пер., т. I, ч. 2, стр. 60-61).

- 19 «Важность» была одним из тех достоинств, которые А. Шишков приписал старому слогу в сопоставлении с «приятностью» нового слога: «Простой, средний, и даже высокий слог Российский конечно не должен быть точный Славенский, однакож сей есть истинное основание его, без которого он не может быть ни силен, ни важен» (Соб. соч. и пер., ч. II, стр. 65).
- 20 Смешение «великого» с «чем-нибудь чрезвычайным» было самой главной чертой «гения». Об этом часто говорится в тогдашних журналах: «...кто делал что нибудь чрезвычайное, тот получил вдохновение от Гения» («Сев. вест.», 1804, ч. 1, № 3, стр. 309-310); «Творения Гения, выходя из рук творца, имеют некоторую суровость; в них виден человек, мыслящий на едине, рассуждающий с самим собою, видна в них сила, важность, величие... Человек с Гением может обойтись без людей;... Он обязан войти в самого себя, что придает ему некоторую в нраве жестокость, вид дикий, неприятный в обществе, возмутительную искренность или тягостную молчаливость... Гений иногда подвержен некоторым дурачествам, некоторым странностям... Особенный вкус, странные и часто рассеянные мысли есть дань, которую платит Гений» (там же, ч. III, № 7, стр. 41-44).
- 21 Подобная смешанность гения очищается правилами: «Они <правила> очищают вкус, выправляют его, и дают ему твердость, основательность. Природный дар, оставленный на собственную свою волю, всегда имеет в себе нечто грубое, необработанное, дикое. Искусство, основанное на справедливых и умных правилах, придает ему приятность, прелесть, обработанность» («Корифей», кн. VIII, 1805, стр. 221).
- 22 А. Тургенев ценил Хераскова не очень высоко. См. его стихотворение <М. М. Хераскову> («Поэты 1790-1800-х годов», стр. 244).
В своем «Конспекте по истории русской литературы» Жуковский пишет: «Херасков оставил две большие эпические поэмы; первая – о взятии Казани, вторая – о Владимире. Он также писал трагедии, оды, послания. Его язык значительно более плавный, чем язык Сумарокова, но его талант не более выдающийся, Он писал также поэмы в прозе, все такие же слабые, как и его произведения в стихах. В свое время он почитался российским Гомером; теперь он забыт» (Эстетика и критика, 1985, стр. 319).
- 23 Имеются в виду «Мои безделки» Карамзина (1794) и «И мои безделки» И. Дмитриева (1795).
- 24 “Genie” было одной из самых популярных тем в эстетике XVIII века. О нем говорили почти всегда в сопоставлении с «правилами» (см. выше, прим. 21). Аддисон говорит: “Among great Genius’s, those few draw the Admiration of all the World upon them, and stand up as the Prodigies of Mankind, who by the mere Strength of natural Parts, and without any Assistance of Art or Learning, have produced Works that were the Delight of their own Times and the Wonder of Posterity... Many of these great natural Genius’s that were never disciplined and broken by *Rules of Art*, are to be found among the Ancients” (“The Spectator,” No. 160, Sept. 1, 1711).

Аддисон считал гениев не знающими правил искусства, потому что под словом "Genius" он представлял себе прежде всего Шекспира. А во Франции, где существовала более классическая традиция, образ "génie" воображался несколько иначе. Гельвеций понимает гениев в каких-то наследственных отношениях: "...tout inventeur dans un art ou une science, qu'il tire, pour ainsi dire, du berceau, est toujours surpassé par l'homme d'esprit qui le suit dans la même carrière, et ce second par un troisième, ainsi de suite, jusqu'à ce que cet art ait fait de certains progrès. En est on au point où ce même art peut recevoir le dernier degré de perfection, ou du moins le degré nécessaire pour en constater la perfection chez un peuple? alors celui qui la lui donne, obtient le titre de génie, sans avoir quelquefois avancé cet art dans une proportion plus grande que ne l'ont fait ceux qui l'ont précédé. Il ne suffit donc pas d'avoir du génie pour en avoir le titre" ("De l'Esprit," Discours IV, chap. 1).

Кантовские определения «гения», часть которой я процитировал выше (см. прим. 7), характерны как формулировка всевозможных взглядов на него: "Man sieht hieraus, daß Genie 1) ein Talent sei, dasjenige, wozu sich keine bestimmte Regel geben läßt, hervorzubringen: nicht Geschicklichkeitsanlage zu dem, was nach irgendeiner Regel gelernt werden kann; folglich daß Originalität seine erste Eigenschaft sein müsse. 2) Daß, da es auch originalen Unsinn geben kann, seine Produkte zugleich Muster, d. i. exemplarisch sein müssen; mithin, selbst nicht durch Nachahmung entsprungen, anderen doch dazu, d. i. zum Richtmaße oder Regel der Beurteilung, dienen müssen. 3) Daß es, wie es sein Produkt zustande bringe, selbst nicht beschreiben, oder wissenschaftlich anzeigen könne, sondern daß es als Natur die Regel gebe;... 4) Daß die Natur durch das Genie nicht der Wissenschaft, sondern der Kunst die Regel vorschreibe" ("Kritik der Urteilskraft," §46).

Русские журналы того времени тоже интересовались этим вопросом. В «Корифее» мы находим интересное объяснение этого слова: «Genie, жени, гений, лично-особенное-дарование, дух великий, недостигаемый, творец оригинальный, ум составленный из превосходнейших стихий совершенства смертного. Человек особенный, у которого свой образ видеть, чувствовать, мыслить и писать, человек небывалый: оставляю знатокам и любителям языка своего, придумать на Русском сие слово, и сообщить оное, когда угодно будет в журнал» (кн. II, 1802, стр. 15, курсив автора). Еще см.: «Анализ слова: жени, Г-на Зульцера» (кн. IV, 1803, стр. 58-59), «Об изящных науках вообще» (кн. VIII, 1805, стр. 217-237), «Гений и талант или отличные дарования, Вольтера» («Сев. вест.», 1804, № 3, стр. 307-311), «Синонимы: Гений и ум» (там же, 1804, № 7, стр. 40-44) и т. д. Об истории слова «жени» в русской литературе XVIII в. см.: Ю. Лотман и Б. Успенский, «Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры», Учен. зап. Тартуск. ун., 1975, стр. 303-305.

На страницах «Корифея» кое-где встречается имя Баттё (Batteux, Abbé Charles, 1713-1780)(кн. I, стр. 37, 43; кн. VIII, стр. 228 и т. д.). Его книга «Начала словесности» широко читалась в свое время, а А. Тургенев перевел части этой книги в 1798 г. (В. Н. Резанов, «Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского», т. I, стр. 211).

- 25 Гердер изображает Петра Великого «творителем нового отечества»: "War Peter der große nicht ein wahrer Patriot, da er, als der Name und das Wunder unsers Jahrhundertarts, der Vater seines alten, und der Schöpfer eines neuen Vaterlandes wurde?" ("Haben wir noch ein Vaterland?" 1765, Sämt. Werke, 1877, I, p. 25).
- 26 Ожидание «второго Ломоносова» наблюдалось не только у А. Тургенева. Новиков пишет о В. Петрове: «...хотя некоторые и называют уже его вторым Ломоносовым; но для сего сравнения надлежит ожидать важного какого нибудь сочинения, и после

того заключительно сказать, будет ли он второй Ломоносов, или останется только Петровым и будет иметь честь слыть подражателем Ломоносова» («Опыт ист. словаря о рос. писателях», 1772).

И. Дмитриев: В потомстве, северный орфей,
Вторый возникнет Ломоносов.

(Б-ка поэта, 1967, стр. 75)

Об этом см.: Н. Д. Кочеткова, «М. В. Ломоносов в оценке русских писателей-сентименталистов», в книге «Ломоносов и русская литература», М., 1987, стр. 267-280.

27 Гений «есть собственно дар Существа Вышнего» («Корифей», кн. VIII, 1805, стр. 220).

28 А. Тургенев желал, чтобы русская литература усвоила, пользуясь эстетическими терминами того времени, больше «высокого» (the Sublime, das Erhabene) и меньше «изящного» (the Beautiful, das Schöne).

Об этих двух понятиях см. рассуждение Шиллера «О Высоком»: «Двух гениев дала нам природа вожатыми на житейском поприще. Один, дружелюбный и кроткий, веселыми играми сокращает нам трудный путь,.. ведет нас до познания истины и до исполнения долга. Тут он оставляет нас, ибо только чувственный мир есть область его... Но тогда заступает место его другой, строг и безмолвен, и сильною мышцею переносит нас чрез бездонную пучину. В первом из сих гениев узнаем чувство изящного или прекрасного, во втором чувство высокого или возвышенного» («С.-Пб. вестник», 1812, т. III, стр. 169-170).

Интересно, что Карамзин критикует излишнюю склонность молодых поэтов к «Высокому»: «Молодому питомцу муз лучше изображать в стихах первые впечатления любви, дружбы, нежных красот природы, нежели разрушение мира, всеобщий пожар природы и прочее в сем роде. Не надобно думать, что одни великие предметы могут воспламенять стихотворца и служить доказательством дарований его, – напротив, истинный поэт находит в самых обыкновенных вещах пиитическую сторону» (1797, Соч., 1984, т. II, стр. 89).

III

1 “Poets, in early days, were look’d upon as authentick Sages, for dictating rules of life, and teaching manners and good sense: how they may have lost their pretension, I can’t say” (надпись на титульной странице «Московского Журнала», ч. VII).

2 В своей «Эстетике» (1806) Бутервек определяет «изящные искусства» так: “Alle schöne Kunst, die so zu heißen verdient, entspringt aus dem natürlichen Bestreben, des denkend-empfindenden Geistes, seinem ästhetischen Bedürfnisse durch eine eigene Schöpfung Genüge zu thun” (р. 197). О классификации изящных искусств см.: Кант, «Критика способности суждения»: “Es gibt also nur dreierlei Arten schöner Künste: die *redende*, die *bildende* und die Kunst des *Spiels der Empfindungen*” (§51, курсив автора).

Об «изящных науках» см.: «Корифей», кн. VIII, 1805, стр. 223: «...всеобщая Феория изящных наук, есть токмо познание всего того, что есть в них истинно изящного и приятного, и сие то знание или Феорию, новейшие философы называют латинским словом *Aesthetica*, Эстетика» («Об изящных науках вообще», курсив автора).

3 Кант тоже говорит, что среди всех изящных искусств занимает первое место поэзия: “Unter allen behauptet die *Dichtkunst* (die fast gänzlich dem Genie ihren Ursprung

verdankt, und am wenigsten durch Vorschrift, oder durch Beispiele geleitet sein will) den obersten Rang" ("Kritik der Urteilskraft," §53, курсив автора).

Как указал В. Резанов, эта часть речи А. Тургенева (его мнения о «святости» поэзии, об ее первоначальных формах) была написана под влиянием Карамзина («Из разысканий...», т. II, стр. 139). См. стихотворения последнего «Поэзия» (1787) и «Дарования» (1796)(Б-ка поэта, стр. 58-63, 213-227).

4 Так в оригинале: наверное, одно слово пропущено.

5 Поэты могут называться «законодателями общества», потому что они – гении, назначение которых – давать правила. См. «Дарования» Карамзина:

Они <поэты> без власти, без короны
Дают умом своим законы.

(Б-ка поэта, стр. 218)

6 «Рожденный под хладным небом Северной России, с пламенным воображением, сын бедного рыбака, <Ломоносов> сделался отцом российского красноречия и вдохновенного стихотворства» (Карамзин, «Пант. рос. пис.»); «Прославиться всяк может подвигами, но ты <Ломоносов> был первый. Самому всесильному нельзя отнять у тебя того, что дал. Родил он тебя прежде других, родил тебя в вожди, и слава твоя есть слава вождя» (Радишев, «Пут. из Петерб. в Моск.», Слово о Ломоносове).

7 См. «Пант. рос. пис.»: «Трагедии писаны им <Ломоносовым> единственно по воле монархини».

8 См. статью Бутервека «Аполлон»: «Кто хочет быть Поэтом, тот более всего должен любить человеческую натуру: ибо она пребывает всегда главным предметом Поэзии. (В примечании:) Человечество и Натура суть два великие предмета Поэзии. Тот – единственно тот может быть Поэтом, кто взором своим проникает в человечество и в Натуру глубже, нежели другие; кто находит в оных красоты, укрывающиеся от взора людей обыкновенных» («Мос. Жур.», ч. VIII, стр. 129-130).

9 Восхищение молодым Александром I было всеобщим. См.: Карамзин, «Его императорскому Величеству Александру I» и «На торжественное коронование его и. в. Александра I (Б-ка поэта, стр. 261-270); И. Дмитриев, «Песнь на день коронования е. и. в. государя имп. Александра Первого» (Б-ка поэта, стр. 76); С. А. Москотильников, «Ода Александру I» (Б-ка поэта, «Поэты-Радишевы», 1979, стр. 503) и т. д.